

Глава 1

1842 год, Лондон.

*Дом для отдыха и развлечения джентльменов, второй
отдельный кабинет справа*

— А что ты со мной сделаешь потом? — Николаса не слишком интересовали детали ответа. Он и так знал, что женщина, сидящая у него на коленях, сделает все, что он захочет, а он, в свою очередь, проявит свои лучшие джентльменские качества и постарается, чтобы она тоже получила удовольствие. В любви он был сторонником равноправия.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? — поинтересовалась она.

Женщина явно не понимала, что, задавая вопрос, он хотел получить ответ. Николас подавил раздражение и, да, ощущение скуки. Вздохнув, он положил клубнику между ее грудями и наклонил голову, чтобы взять сочную ягоду в рот. Клубнику, а не грудь. Это лакомство он оставил на десерт.

Затем он зашептал ей прямо в ухо, так, чтобы ни одна из дам, сидевших справа и слева от него, ничего не услышали.

— Я хочу, чтобы твой рот был занят и ты не имела возможности говорить. А когда ты снова сможешь говорить, ты будешь выкрикивать мое имя.

Женщина поерзала у него на коленях, и ее бархатистые ягодицы потерялись о его естество, которое и без того было готово к действию. Положив голову на плечо мужчины, она негромко проворковала:

— Я слышала о вас, милорд, и очень хочу выяснить, правдивы ли слухи.

Николас обхватил ее за талию, и его руки скользнули чуть выше, оказавшись под грудями.

Это была любимая часть его развлечений с женщиной — предвкушение. В этот момент ему лишь предстояло узнать, каким будет ее лицо, когда ее накроет волна наслаждения, как будет двигаться ее тело под ним, как она раскроется для него. Реальное действие, конечно, тоже приятно, но пока еще ни одна женщина, с которой был Николас, не сумела оправдать его ожидания.

Но каждый раз, обнимая новую женщину, он надеялся, что это будет она. Именно эта женщина сумеет поднять его к высотам экстаза, поможет забыть в блаженной истоме, хотя бы на несколько минут восхитительного наслаждения выкинуть все из головы, будет равной ему в постели, в разговоре, в жизни.

Не то чтобы он рассчитывал найти такую женщину здесь, в доме, пользовавшемся дурной репутацией, хотя и созданном специально для обслуживания представителей его сословия. Но только Николас не желал ухаживать за молодой леди из высшего общества, понимая, что, женившись на ней, почти наверняка

обнаружит, что она не может соответствовать ему ни в постели, ни в разговоре, ни в жизни.

Лишь однажды, год назад он встретил женщину, на которой всерьез подумывал жениться. Но она вышла замуж за другого раньше, чем он успел разобраться, действительно ли хочет этого брака. И он остался в одиночестве, решив не жениться по крайней мере до тех пор, когда не будет абсолютно уверен в женщине.

Однако он не собирался отказываться от удовольствий, которые мог получить в постели лишь потому, что невысоко оценивал свои шансы на долгосрочное счастье. Краткосрочное удовольствие в данный момент его тоже вполне устраивало.

Судя по всему, большинство джентльменов в Лондоне придерживались аналогичного мнения. Этот дом был полон красивых женщин, как рыбный пруд рыб, и их было очень легко поймать. Достаточно лишь забросить крючок с наживкой из денег и нескольких тщательно выбранных слов. У Николаса не было недостатка ни в одном, ни в другом, поэтому сейчас рядом с ним сидели сразу три красотки.

Они находились в одном из самых роскошных отдельных кабинетов, но не на огромной кровати, занимавшей большую часть помещения. Все четверо сидели на низком диване, обтянутом темно-красной тканью. Мебель тоже была выдержана в темных тонах, и мерцание нескольких умело расставленных свечей создавало теплую чувственную атмосферу. Слово Николас и три дамы были еще недостаточно настроены на чувственные наслаждения.

— Милорд? — Женщина, сидевшая у него на коленях, повернулась и заглянула ему в лицо. Две другие — с ними он уже был раньше и знал, что они достаточно умелы и старательны, — ерошили его волосы, гладили грудь под расстегнутой рубашкой и нашептывали тихие словечки, в основном касающиеся его, их и того, чем они собираются заниматься вместе.

Николас с нетерпением ждал продолжения. Поэтому он вовсе не обрадовался, когда услышал доносившийся из коридора голос своего брата Гриффа, зовущий его по имени. Грифф был вовсе не плохим братом. Николас даже любил его, как мог. Только Грифф, в отличие от своего старшего брата, не был заведомо заведен с плохой репутацией. Он не посещал заведений даже с хорошей репутацией, проводя все свое время в библиотеке.

— Прошу прощения, дамы. — Николас пересадил женщину с коленей на диван, застегнул пуговицы рубашки и пригладил волосы. — Заходи, Грифф, — крикнул он и встал.

Он как раз заправлял рубашку в брюки, когда вошел Грифф. Брат замер на пороге, непроизвольно разинув рот. Вероятно, его потрясла открывшаяся перед ним картина полного и абсолютного распутства. Или, как Николас любил это называть, вторника.

— Что случилось? — спросил он, поскольку Грифф только открывал и закрывал рот, не произнося ни звука.

— Вот, — наконец буркнул брат и протянул ему лист бумаги. — Я решил, что моим словам ты не поверишь.

Николас развернул лист — это был тяжелый пергамент, который сам по себе придавал написанным на нем словам весомость, — пробежал глазами полные официальных выражений строчки и в немом изумлении уставился на брата.

— Здесь сказано... это делает меня...

Грифф кивнул.

— Да, герцогом Гейджем.

Николас снова опустил глаза на пергамент, словно пытаясь найти в нем объяснение. Оно там действительно содержалось, только Николас никак не мог пробраться через дебри многочисленных «ввиду того, что», «в подтверждение» и «в доказательство».

— Но этого не может быть. Как? — Он взглянул на брата, словно Грифф мог что-то объяснить.

— Судя по всему, был какой-то спор о родословной и линии наследования в одной из ветвей нашего семейства, весьма отдаленной. Но в результате теперешний герцог Гейдж перестал быть таковым, потому что несколькими поколениями ранее имело место двоебрачие. — Брат все объяснил. Замечательно.

Но теперь...

— И герцогство — или как там это называется — переходит ко мне? А как насчет всех прочих родственников, стоящих в очереди на титул?

Грифф покачал головой.

— Это двоебрачие повлияло на многих потомков. Это как война роз, которая началась, потому что Джон Гонт женился на своей любовнице, и это сделало их детей не законнорожденными, но...

Николас хлопнул брата по плечу — не сильно, но достаточно чувствительно, чтобы заставить его замолчать.

— Мне сейчас не нужен урок истории. И я надеюсь, что это... — он взмахнул пергаментом, — ...не приведет к войне.

— Да, конечно. — Грифф потер плечо и ухмыльнулся. — Хорошо, что ты, а не я.

Николас тряхнул головой.

— Если бы речь шла о тебе, значит, я был бы уже мертв. Так что я тоже очень рад, что это я, а не ты. Но что я теперь должен делать?

Грифф пожал плечами:

— Насколько мне известно, теперешний герцог оспаривает это решение, но, судя по всему, законность — или незаконность, как тебе больше нравится, — на твоей стороне.

Николас нахмурился.

— А как получилось, что обо всем первым узнал ты, а не я?

Брат, похоже, растерялся.

— Но ведь поверенный явился в дом, когда тебя не было, а я был. И я сразу отправился тебя искать, подумав, что ты захочешь узнать об этом сразу.

Да. Все верно. Его брат был в их общем доме и, безусловно, занимался чем-то в высшей степени достойным. А он проводил время здесь в компании сразу трех женщин легкого поведения. Разумеется, это тоже можно считать достойным занятием и утверждать, что все остальные мужчины в мире заблуждаются, ухаживая за женщинами традиционным способом, однако едва ли с этим кто-то согласится.

Николас уже не впервые задумался о том, как получилось, что они с братом такие разные. И, тем не менее, они очень близки. Грифф чувствовал себя абсолютно счастливым, уткнувшись носом в книгу. А он, Николас, испытывал подобные ощущения, только уткнувшись носом в женскую грудь. Лучше в две.

Его старшие сестры — обе замужние — тоже были до мозга костей респектабельными особами, но они были его сводными сестрами, так что не считается.

Он повернулся к женщинам, которые теперь занимались друг другом, и ощутил укол вожделения, увидев, что именно одна делает другой, в то время как третья смотрит полными вожделения глазами.

— Прошу прощения, дамы, но появилось срочное дело, требующее моего внимания.

Все три женщины подняли на него глаза. Их лица выражали откровенное разочарование. Та, что сидела в середине — кажется, ее звали Салли, — промурлыкала:

— Вы уверены, милорд? Ваш друг может ненадолго к нам присоединиться.

Николас покосился на брата, физиономия которого приобрела устрашающе багровый оттенок. Если цвет станет еще на тон темнее, Грифф сможет слиться с обивкой дивана.

— Мне очень жаль, что мы не можем остаться, дамы. Нам действительно необходимо уйти. — Он не хотел без необходимости конфузить невинного Гриффа. Мало ли, какая неприятность могла с ним произойти.

Не дожидаясь ответа, Николас взял брата за локоть и вывел его из комнаты. По пути к выходу он дал несколько монет хозяйке заведения.

— Вы так рано? — удивилась она, убирая деньги в карман. — Надеюсь, мы скоро увидим вас снова, милорд.

Николас покачал головой.

— К сожалению, я вряд ли вернусь. По крайней мере, в ближайшее время. Похоже, я унаследовал герцогский титул.

С этими словами он распахнул дверь и вышел в туманную ночь. Брат следовал за ним по пятам.

Из неопубликованного романа с продолжением

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦЫ ТАЙН

— Мисс Джейн? Вы ждете лорда Арбутнотшир-стона?

Леди подняла голову от книги, лежавшей у нее на коленях.

— Да. А кто вы?

Она несколько мгновений его рассматривала и отметила мрачное выражение лица, чернильно-черные волосы, тонкие губы и повадки хищника. Их взгляды встретились.

Его глаза напоминали два черных колодца, в которых невозможно было разглядеть дна. Она непроизвольно вздрогнула.

Мужчина не ответил, просто сел рядом с ней на скамью. Он положил руку на спинку, и теперь она едва не касалась Джейн. Девушка нахмурилась и слегка подалась вперед.

Вокруг них полно народу. Она в безопасности.
Или нет?

— Кто вы? — повторила она.

— Я принц Лагордонза. А вы будете моей невестой.

Принцесса и негодяй

Глава 2

— Вы слышали новость? О герцоге Гейдже?

Мать Изабелл поджала губы.

— Мы ничего не слышали. Если ты собираешься распространять беспочвенные сплетни, Мария...

Тетя Изабелл возбужденно подпрыгнула на стуле, отчего ее многочисленные кудряшки, падавшие на лоб, тоже подпрыгнули. Ее глаза горели от восторга.

— Это вовсе не беспочвенные сплетни, Джейн. Оказывается, герцога Гейджа нет. — Мария, тетя Изабелл, всегда носила очень широкие юбки с оборками вдоль подола. Если она совершала резкие движения, оборки тоже слегка приподнимались.

— Как это нет? — Тон Джейн, матери Изабелл, был раздраженным, нетерпеливым и властным. Типичным для нее.

— Я говорю, герцога Гейджа нет. Ты что, не слышишь?

Изабелл уколола палец вышивальной иглой. Она ничего не говорила, более того, почти не дышала. Неужели это значит...

— Как это может быть? Как это герцога Гейджа нет, если он есть? — возмутилась Джейн. — Честно говоря,

трудно поверить, что мы с тобой сестры. Ты — самое глупое существо на свете.

Мария застыла и сжала губы. Кудряшки тоже застыли.

— Если хочешь услышать новости от кого-то другого, можешь продолжать меня оскорблять. Но не удивляйся, если твои драгоценные планы относительно твоей драгоценной дочери потерпят крах, поскольку ее жених — шарлатан. — Она кивнула с видом победительницы. — Что тогда будет?

«Тогда я не выйду за него замуж, — подумала Изабелл, — и слава богу». Вслух она эту мысль не озвучила, поскольку, строго говоря, вопрос был обращен не к ней. Она покосилась на мать, лицо которой утратило свою обычную надменность и приобрело более человеческое выражение.

Да, новость неожиданная. Даже ее мать несколько растерялась, пусть даже и ненадолго.

На Изабелл было очень красивое платье. Она всегда была прекрасно одета и умело причесана, и у нее имелось все, что требуется будущей герцогине. Как будущая герцогиня, она сейчас сидела рядом с матерью и вышивала, хотя предпочла бы гулять с сестрой в парке или заниматься любым другим делом, кроме ненавистой вышивки.

— Ну, расскажи, — процедила Джейн.

Ее тетя, в отличие от своей сестры никогда не умевшая держать язык за зубами, снова возбужденно подпрыгнула.

— Говорят, что было проведено какое-то расследование в отношении родословной герцога, из-за

правового спора — я точно не знаю, какого именно. И в семье герцога обнаружилось что-то сомнительное, лишаящее его права на герцогский титул.

Изабелл хотелось завизжать от радости, или крепко обнять тетю, или хотя бы забежать по комнате вприпрыжку, размахивая руками. Но она не сделала ничего из перечисленного, позволила себе только глубокий вздох и продолжила вышивание. Возможно, герцог больше не герцог, но мать останется ее матерью навсегда, и она будет недовольна, если дочь поведет себя неосмотрительно.

Мать встала и жестом велела Изабелл тоже встать.

— Мы должны выяснить, что происходит. Твой отец разберется.

Изабелл почувствовала, что дрожит, правда, она не была уверена, от чего именно — от радости, возбуждения или шока. Перед ней, как красивейшая манящая драгоценность, замаячила возможность обретения свободы, отмены брака с герцогом, и осталось только протянуть руку и взять ее. А свобода для нее была дороже всего на свете, желаннее любого редчайшего бриллианта. Дело в том, что свободы у Изабелл никогда не было, ни одно мгновение своей жизни она не чувствовала себя свободной. А бриллианты для леди, занимающей ее положение в обществе, являлись относительно доступными.

Мать окинула ее свирепым взглядом, словно это Изабелл была виновата в том, что герцог больше не герцог. Изабелл очень хотелось сказать матери, что будь у нее волшебная сила, она бы использовала ее, чтобы избавить себя от всех возможных брачных согла-

шений. Или, возможно, сделать себя менее красивой, чтобы люди к ней не приставали.

— Что ты возишься, Изабелл? — раздраженно спросила мать и повернулась к сестре: — Надеюсь, тебя не надо провожать, Мария? — Это не было вопросом, но матери, по крайней мере, хватило такта сделать вид, что она хочет оказать сестре уважение.

— Конечно, нет. — Мария похлопала Изабелл по руке. — Уверена, у тебя все будет хорошо, Изабелл. Ты сделаешь прекрасную партию — не с герцогом, так с кем-нибудь другим.

Изабелл кивнула. Она никогда не говорила ни тете, ни кому-то другому, что она думает о прекрасных партиях. Все дело в том, что прекрасная партия означала для нее совсем не то, что для ее семьи.

Если ей не придется выходить замуж за герцога, возможно, она сможет найти человека, которому она не будет безразлична. Только такой брак она станет считать хорошим, а вовсе не тот, в котором титул супруга важнее его человеческих качеств. Пусть у нее не будет любви, но она хотела тепла, дружелюбия и, возможно, хотя бы немного нежности.

Герцог — во всяком случае, Гейдж — единственный герцог, которого она знала, — никогда не выказывал ничего подобного. Он относился к ней так же, как ее мать, — как к неразумному существу, которое следует постоянно поправлять и ругать, чтобы сделать совершенным.

Совершенства Изабелл уже достигла, хотя и не гордилась этим. Из нее вылепили совершенную, идеальную герцогиню, хотя теперь, похоже, не было герцога,

чтобы завершить процесс. От этой мысли ей захотелось рассмеяться. Планы матери в одночасье рухнули, что не могло не радовать.

Свобода. Изабелл редко позволяла себе думать, как могла сложиться ее судьба, если бы ее будущее не было предопределено. Теперь, когда все изменилось, она внезапно почувствовала страх. Кем она станет, если не будет герцогиней Гейдж?

— Видите, ваша светлость, все эти документы подтверждают ваше право на титул. — Поверенный, один из пяти приглашенных, указал на внушительную стопку бумаг, которые никак нельзя было отнести к любимому чтиву Николаса. Впрочем, он никому не собирался рассказывать, что предпочитает любовные романы, и чем драматичнее, тем лучше.

Во-первых, в этих документах не было героев, беседовавших о любви. Во-вторых, единственная интрига заключалась в том, когда именно Николас заснет в процессе бесконечных и исключительно занудных объяснений. И, в-третьих, он никак не мог дождаться конца, и вовсе не потому, что в конце влюбленные, наконец, обретут совместное счастье, а злодей благополучно исчезнет. Просто Николасу очень хотелось избавиться от прямо-таки воинствующего педантизма юристов.

Тем не менее он не ушел и не прервал говорившего ни одной неуместной ремаркой. В общем, он не сделал ничего, что мог бы сделать, не будь он герцогом.

Титул принадлежал ему всего два часа, но уже успел его изменить. Мысль была одновременно интригую-